

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ / ONTOLOGY AND GNOSEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.138.140>

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ И МЕТАФИЗИКИ

Научная статья

Грязных Д.В.^{1,*}

¹ORCID : 0009-0003-2665-1020;

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный аграрный университет Северного Зауралья», Тюмень, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dlwil42[at]yandex.ru)

Аннотация

В названии статьи зафиксирован предмет исследования и приглашение к дискуссии о соотношении диалектики и метафизики. Внутреннее единство последних обусловлено тем, что статичные категории метафизики Аристотеля, интерпретируемые И. Кантом в качестве априорных форм рассудка, в философии Гегеля обрели динамику. Возникшая вследствие спекулятивных метафизических построений диалектика раскрывается через принцип противоречия, заложенный в природе человеческого разума. Отсюда вытекает сложность методологии, применяемой в исследовании сверхчувственной реальности как сферы действия гегелевской диалектики. Движение мысли в спекулятивно-умозрительной сфере предполагает использование созерцания, интуиции, аксиоматики и нахождение опоры в аристотелевском принципе непротиворечия, при одновременном признании когнитивной ценности противоречий. Результатом исследования оказывается предположение, что метафизику (первую философию) следует критиковать не за стремление к сверхчувственной реальности, а за то, что первая философия недостаточно метафизична, и переосмысление диалектической традиции усматривать в изучении логических, метафизических оснований диалектики. Мыслительная процедура деления предметов и явлений на противоположные пары подвергается критике как принудительный когнитивный шаблон, который должен быть снят новой теоретической моделью, способной описывать процессы многополярного мира. В отличие от диалектического мышления, которое рассекает явления и процессы на противоположности, триалектическое мышление нацеливает на обнаружение гармонии в многомерности.

Ключевые слова: диалектика, метафизика, метод, противоречие, триалектика.

EXPERIENCES IN UNDERSTANDING DIALECTICS AND METAPHYSICS

Research article

Gryaznikh D.V.^{1,*}

¹ORCID : 0009-0003-2665-1020;

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russian Federation

* Corresponding author (dlwil42[at]yandex.ru)

Abstract

The title of the article defines the subject of the research and invites to a discussion on the correlation between dialectics and metaphysics. The internal unity of the latter is conditioned by the fact that the static categories of Aristotle's metaphysics, interpreted by I. Kant as a priori forms of reasoning, in Hegel's philosophy became dynamic. The dialectic arising from speculative metaphysical constructions is disclosed through the principle of contradiction inherent in the nature of the human mind. Hence, the complexity of the methodology used in the study of supersensible reality as the sphere of action of Hegelian dialectics. The movement of thought in the speculative and speculative sphere implies the use of contemplation, intuition, axiomatics, and finding support in the Aristotelian principle of non-contradiction, while recognizing the cognitive value of contradictions. The result of the research is the assumption that metaphysics (first philosophy) should be criticized not for striving for a supersensible reality, but for the fact that first philosophy is not metaphysical enough, and the rethinking of the dialectical tradition should be seen in the study of the logical, metaphysical foundations of dialectics. The mental procedure of dividing objects and phenomena into opposite pairs is criticized as a coercive cognitive pattern that must be removed by a new theoretical model capable of describing the processes of a multipolar world. In contrast to dialectical thinking, which dissects phenomena and processes into opposites, trialelectical thinking aims at discovering harmony in multidimensionality.

Keywords: dialectics, metaphysics, method, contradiction, trialelectics.

Введение

Начало развитию диалектической традиции положил Гераклит, придавший обыденным представлениям об изменчивости абстрактно-теоретическую форму, не порывавшую связь с чувственно-наглядными образами действительности. Отстаивая идею изменения, единственно неизменным он полагал принцип изменчивости. Имманентную действительности диалектику, выходящую за рамки логики понятий, открыли представители элейской школы. Апориями Зенон Элейский показывал, что любые попытки объяснить движение, приводят либо к выводу о невозможности движения, либо к выводу о том, что для преодоления расстояния требуется бесконечное время. С именем Сократа связано толкование диалектики как искусства вести беседу с целью выяснения значений понятий. Платоновские диалоги содержали исследование бытия как противоречивой раздельности, диалектики тождества и различия, покоя и движения. Именно в интерпретации Платона диалектика превращается в особый метод мысли,

отбрасывающий предположения и обосновывающий первоначало. В диалектическом методе мыслитель различал познание, рассуждение, веру и уподобление. Два первых элемента диалектики составляют мышление, относящееся к сущности, два последних – мнение, относящееся к становлению [1, С. 318]. «Диалектика будет у нас подобной карнизу, венчающему все знания, и было бы неправильно ставить какое-либо иное знание выше нее: ведь она вершина их всех» [1, С. 319]. И хотя платонизм не оставил строгих формулировок, а многие суждения остались программными заявлениями, диалектика обрела статус важного методологического инструмента познания. Эти идеи получили развитие в философии Аристотеля, который дедукцию противопоставил диалектике, увидев суть последней в способности вопрошать, задавать наводящие вопросы, ставить под вопрос универсальные первоначала, подготавливая философское (метафизическое) познание [2, С. 556]. И если неоплатонизм применял диалектическую методологию для объяснения основных иерархий бытия, то начиная со средних веков и до XVIII в. диалектика становится одной из теологических дисциплин, включавших формальную логику и силлогистику. Особый интерес к диалектике проявили мыслители немецкой трансцендентально-критической философии. Здесь у истоков диалектической концепции развития стоял И.Кант со своими антиномиями чистого разума, но наивысших результатов достиг Гегель. Его система абсолютного идеализма стало образцом и ярчайшей формой обобщения научных и культурных достижений целой исторической эпохи.

Необходимо обратить внимание, что свои диалектические воззрения сам Гегель преимущественно именуется спекулятивным мышлением. Предметной областью спекулятивной философии выступило умопостигаемое, неэмпирическое, абсолютное, чистое бытие, к которому метафизика и логика подходят с разных сторон. Если метафизика, по сути, есть концепция чистого бытия, то логика – это теория познающего истину мышления, которое является этим же чистым бытием. В неосязаемых глубинах человеческого духа онтологическое и логическое, объективное и субъективное, реальное и идеальное, спекулятивное и разумное оказываются в неразрывном единстве. Абсолютный разум обуславливает познаваемость природы, которой имманентно присуща «сообразность логическим законам нашей мысли» [3, С. 594], разумность. Тождество метафизики и логики вытекает и из методологической самодостаточности спекулятивной философии, поскольку невозможно представить, чтобы диалектический метод построения системы был заимствован извне.

Основные результаты

Существо гегелевской диалектики образует возведение противоречия в главный закон мышления. Некоторые тенденции использования противоречия для решения познавательных задач можно встретить у И.Канта, но противоречие как момент отрицания, в конце концов, устранилось в его философском учении, и приоритет отдавался закону тождества.

Особенность фундаментальных исследований, содержащих в себе значительный умозрительно-спекулятивный компонент, состоит в том, что человеческий разум, оказываясь в областях, оторванных от эмпирического опыта, неизбежно погружается в антиномический дискурс. Аксиоматическим аргументам метафизики, затрагивающим предельные и принципиальные характеристики бытия, всегда находят в качестве противовеса обоснованные контраргументы. Диалектика тезисов и антитезисов, каждый из которых в отдельности с равным успехом выводится из одних и тех же предпосылок, обнуляет претензию спекулятивного мышления на научный статус. Анализируя кантовское намерение «преодолеть» метафизику, Гегель признал правоту И.Канта, но заметил, что здесь не стоит беспокоиться, поскольку необходимость противоречить самому себе заложена в самой природе человеческого разума. Всякая рациональность развивается в непрерывном внутреннем диалоге, в котором сталкиваются многочисленные противоречия и антиномии. Совершенный Гегелем переворот в гносеологии заключается в том, что вместо аристотелевского закона тождества он сделал основным законом мыслительной деятельности принцип противоречия. Гегелевская диалектика сняла табу на запрет противоречия как высший закон бытия и мысли. Диалектическое противоречие, введенное в исходный пункт гегелевской системы, обеспечивает ее самодвижение и саморазвитие. Противоречие выступает в виде процесса. Более того, Гегель рассматривает противоречие как ядро самой божественной первоэальности.

В Абсолютном начале философ обнаруживает целостное единство тождества и нетождества, которое можно интерпретировать не только как простое раздвоение Абсолюта, но и как внутреннюю борьбу, противоборство, столкновение внутри него. Как пишет П.П.Гайденко, «недостаточно прояснено у Гегеля и то, рождает ли Абсолют это раздвоение (или противоборство) или же сам рождается благодаря этому акту» [4, С. 33].

Для нас здесь важно подчеркнуть, что в своих истоках диалектический метод как учение о развитии и всеобщей связи находится в тесном сотрудничестве с метафизикой в ее традиционном значении как синтетически-априорным знанием. Предмет диалектики – чувственная и сверхчувственная реальность. В этом отношении содержание диалектики принципиально не отличается от предметной области метафизики. Все составные элементы диалектики есть результат предельной концептуализации мысли.

Почувствительна не только история становления диалектики, но и непростая судьба самой метафизики, которая как метод противостоит диалектике. Рожденная без четко обозначенного имени, метафизика получила чисто технико-библиотечное наименование, изгонялась научным мышлением, и не всегда находила поддержку в самой философии. Мыслители иной раз дистанцировались от неё, не желая иметь с ней ничего общего. Изгнанная отовсюду, метафизика не переставала существовать, но статус ее требует постоянного уточнения. Впрочем, сама диалектика нуждается в переосмыслении, чтобы быть адекватным языком для нового опыта.

Какие можно услышать замечания в адрес диалектики? Некоторая напряженность чувствуется уже хотя бы в том, что диалектика как всеобщая теория развития и Гегелем, и К.Марксом рассматривается как единственно истинное учение и всеобщий метод мышления, но, как известно, каждым в своей интерпретации. Спрашивается, какая интерпретация является более продуктивной, эффективной в когнитивном смысле?

Заслуживают критических замечаний рассуждения В.И.Ленина, содержащиеся в его «Философских тетрадах». У него законы логики становятся отражением объективного в сознании человека, уже predetermined исторической практикой к верному познанию [5, С. 316-317]. Конспектируя Гегеля, В.И.Ленин исходил из того, что развитие есть борьба противоположных сил и тенденций. Характер борьбы противоположностей носит абсолютно взаимоисключающий характер. Она подобна абсолютному движению и развитию. Диалектические противоположности В.И.Ленин иллюстрировал примерами из механики, физики, химии, обществознания. Однако, «диалектические отношения, наличествующие в механических, физических, химических процессах никак не могут быть охарактеризованы как борьба противоположностей. Это – коррелятивные отношения, взаимообусловленность противоположностей» [6, С. 20]. Другими словами, у нас нет оснований для того, чтобы ставить знак равенства между диалектическими противоположностями, обнаруживаемыми в неживой природе и социальной жизни. Термин «противоположности» в данном случае имеет условно обобщающий характер. Теоретическая конструкция «борьба противоположностей» используется для объяснения источника совершенствования общественных отношений, но и она не является абсолютной, поскольку не исключает компромиссы и периоды мирного сосуществования.

Критика диалектики К.Поппером [7] сконцентрировалась на проблеме противоречия: диалектика несостоятельна, поскольку она допускает противоречие, запрещенное формальной логикой. Мыслитель согласен с тем, что диалектика удачно описывает когнитивные инструменты, позволяющий научной мысли описывать и понимать окружающий мир, а главное иногда прогрессировать по средствам критической дискуссии. Ведь философско-методологическая позиция критицизма, характеризующаяся принципиальным антидогматизмом, состоит в постоянном указании на очевидные и потенциальные несоответствия. Поэтому научный прогресс преимущественно заключается в преодолении противоречий, возникающих в ходе научного поиска. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, когда, с одной стороны, разрабатывающий научную теорию ученый исходит из гипотезы, что необходимо не допускать противоречий и любые вновь обнаруживаемые логические нестыковки устранять всеми возможными способами. Но с другой стороны, гегелевская диалектика подталкивает сделать прямо противоположный вывод о том, что именно противоречия свидетельствуют об истине, а отсутствие противоречий в создаваемой теории сигнализирует о заблуждении. «Из того, что противоречия являются средством, при помощи которого наука прогрессирует, он заключил, что противоречия не только допустимы и неизбежны, но в высшей степени желательны» [8, С. 49-50].

Вряд ли стоит говорить о К.Поппере как глубококом интерпретаторе диалектического метода. Опровергнуть философскую систему невозможно отдельными критическими замечаниями, поскольку опровержение предполагает создание альтернативной философской системы. Поэтому не покидает чувство, что с одной стороны, имеет место абсолютизация критического отношения к табу, а с другой, стремление в неявной форме обосновать свои политические идеи.

Что же предпринять для преодоления возникших трудностей? Можно обратиться к практике. Теория нас учит тому, что практика – критерий истины. Данный тезис оставим без комментария, поскольку формат статьи не предполагает устраивать дискуссию по каждому пункту. Но можно заметить, что обоснование этого утверждения содержится в учении, истинность которого подвергается сейчас проверке.

Размышляя о практической эффективности диалектики, профессор Гейдельбергского университета Г.Фульда считает, что, несмотря на то, что в рамках социальной доктрины метод в течение более 70 лет являлся важным составным элементом научной ориентации, он не смог замедлить прогресс научного познания в естественных науках. Объясняется это тем, что диалектический метод никогда не принимался естествоиспытателями всерьез. Г.Фульда утверждает, что этот метод не оказывал содействия научному прогрессу не только в форме диалектического материализма, но в тех случаях, когда предпринимались попытки его уточнения с помощью первоисточника в лице «Науки логики». Очевидно, что такая односторонне негативная оценка не может быть принята безоговорочно. Г.Фульда и сам признает, что стагнация социально-политических наук была вызвана не только методом, но и «многими другими составляющими государственной доктрины» [9, С. 16].

Разумеется, здесь речь идет о материалистической диалектике. Но можно ли сказать, что эта перестановка столь решающим образом подорвала эффективность диалектического метода и тем самым дискредитировали его притязания, тогда как раньше, в рамках идеалистической философии, его претензия на универсальность по отношению к специальным наукам была бы оправданной? Такая точка зрения едва ли приемлема. В истории гегельянства также ничто не говорит в ее пользу. В течение того короткого времени, когда гегелевская философия была в почете, пользовался признанием вовсе не некий универсальный метод, который следовало вычитывать из гегелевской философии. Влияние Гегеля простиралось лишь на некоторые специальные науки, в меньшей степени на математику и естествознание, но в значительной мере на начинающие осознавать самих себя в качестве наук исторические и филологические, а также некоторые социальные дисциплины. При этом стимулирующее влияние, даже в случае К.Маркса, оказывало лишь богатство понятийного содержания, с помощью которого Гегель давал характеристику предметов этих наук в их систематической философской обработке.

А где же дорога? Первый шаг – это критика метафизики, критика первой философии. Но критиковать ее нужно не за стремление к сверхчувственной реальности, а за то, что первая философия недостаточно метафизична. Важно осознать статус метафизики в системе философского знания. Трактовать метафизику как первую философию – значит не достаточно правильно понимать ее значение. Метафизика – это не просто первая философия, метафизика является первой в принципе по отношению ко всему. Как отмечает Рене Генон, «любая трактовка метафизики в качестве некоторой отрасли философии, пусть даже и такой отрасли, которая возвышается над всеми частными науками и поэтому, как у Аристотеля, получает название «первой философии», означает глубокое непонимание ее действительного статуса и ее универсального характера: абсолютное Целое не может быть частью чего бы то ни было так же, как ничто не может включать в себя универсальное в качестве своей части» [10, С. 109]. Если метафизика – это

не только философия, если это нечто большее, если это нечто выходящее за ее рамки, то возникает вопрос, что же такое метафизика?

Метафизика можно определить как трансцендентный потенциал всех форм бытия, как некоторая совокупность исходных положений, предельных оснований, аксиом, постулатов, делающих возможным познание. Парадоксальность любого метафизического построения заключается в том, что, являясь безосновным следствием нерационализируемого озарения, интуитивного прозрения, априорной формой, оно служит для прояснения и объяснения чувственно воспринимаемого мира.

Второй шаг – обратить внимание на логические, метафизические основания диалектики. Любая философская теория базируется на некоторых логических, метафизических основаниях, которые обуславливают ее. Здесь уместно вспомнить, что «отношением к основным вопросам логики и метафизики определяется весь строй философских учений» [3, С. 597]. В частности, речь может идти о более глубоком исследовании диалектической триалектики. Возможно, здесь находится методологически перспективная альтернатива. Используя пространственно-геометрические образы для наглядности, можно сказать, что диалектика и триалектика отличаются друг от друга как плоскость и пространство, как модель плоской проекции физического мира и модель, описывающая положение объектов в трех измерениях. В отличие от диалектического мышления, которое рассекает явления и процессы на противоположности, триалектическое мышление нацеливает на обнаружение гармонии в многомерности. Каждый способ мышления, с одной стороны, обуславливает характер интерпретации окружающего мира, а с другой, формирует формы практического взаимодействия с ним. Поэтому мир может быть биполярным двухполюсным, но он может быть и многополярным.

«Воспитанный» в парадигме диалектического мышления человек считает успехом, когда в процессе исследования предметов и явлений окружающего мира ему удастся выявить некие дихотомии: «верх и низ, внешнее и внутреннее, темное и светлое, северный и южный полюсы, сложение и вычитание, отрицательное и положительное электричество, электронная оболочка и ядро в атоме» [11, С. 281]. Мыслительная процедура деления предметов, явлений и процессов на противоположные пары, выявление в них противоположных свойств и качеств воспринимается в виде естественного врожденного принципа упорядочения, как априорный принудительный когнитивный шаблон, характерный людям с древнейших времен. «В результате создается впечатление, что так устроен мир, что бинарность – понятие не только гносеологическое, но и онтологическое» [12, С. 23]. Вместе с тем, в истории мысли можно найти множество примеров, указывающих, что между противоположностями находится проблема, для решения которой нужно владеть искусством выхода из бинарной схемы, как минимум в другое измерение, хотя нельзя исключать, что дополнительных измерений бесконечное множество. Если быть точным, то методологическая двухмерность – это результат именно диалектико-материалистической интерпретации гегелевской философии. Гегель полагал, что истинное деление должно быть трехчленным. Поскольку «особенность обнаруживает себя как удвоенная, то деление может быть и четырёхчленным. В сфере духа преобладает трихотомия, и одной из заслуг Канта является то, что он указал на это обстоятельство» [13, С. 414].

В нашем распоряжении имеется весьма богатый тринитарный опыт человечества. Так, для определения сущности той или иной этической добродетели Аристотель создавал трехмерные конструкции. Например, умеренность – середина между распущенностью и бесчувственностью [14]. Важно отметить идею Единого Бога в трех лицах, которая присутствует в различных аспектах христианской религии. Догмат о Святой Троице является непостижимой тайной. Лица Святой Троицы – Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух, различаются ипостасными свойствами: нерожденность, рождение от Отца, исхождение от Отца. Тринитарный архетип обнаруживается в размышлениях П.И.Новгородцева [15], когда он обращает внимание на то, что в католицизме преобладает юридический принцип, в протестантизме превалирует этический аспект, а в православии доминирует любовь во Христе.

А.Ф.Лосев характеризовал неоплатоника Прокла как неутомимого энтузиаста, певца и служителя триады. «Философская эстетика Прокла есть священный трепет перед триадами» [16]. Философия В.С.Соловьева было пронизано тринитарными структурами. Характеризуя человека, он указал, что в процессе совершенствования его поддерживают три атрибута – стыд, жалость и благоговение. Философ предложил оригинальное толкование Востока, Запада, России, их места, роли и взаимодействия. С этими тремя культурно-историческими мировыми силами он связывал судьбу человеческой цивилизации. В.В.Зеньковский обратил внимание на то, что В.Ф.Одоевский обосновывал триединство религии, науки и искусства, образующих содержание культуры и смысл истории, указанием на то, что в каждом отдельном человеке целостно слиты три стихии: верующая, познающая, эстетическая [17, С. 143].

Заключение

Философское наследие предлагает множество примеров триалектического мышления, которое позволяет переосмыслить значение бинарной метафизики, лежащей в основе диалектики [18], [19], [20]. Но перед выходом за пределы сложившегося когнитивного горизонта полезно вновь вернуться к Гегелю и исследовать тайну рождения гегелевской диалектики. «Концепция противоречия, представленная в науке логики как результат прогрессирующей рефлексированности сущностных понятий» [21, С. 258], имела совершенно иной генезис. Прежде всего, немецкий философ творчески переосмыслил достижения естествознания своего времени. «Новейшее естествознание, пришло к признанию, что противоположность, воспринимаемая нами ближайшим образом в магнетизме как полярность, проходит красной нитью через всю природу, есть всеобщий закон природы» [13, С. 279-280]. Это дает основание для утверждения, что доказательность диалектики обусловил естественнонаучный базис. Таким образом, достижения современного естествознания ждут своего философского осмысления. Если гегелевская диалектика рождалась в условиях, когда «ещё работал» принцип детерминизма, то современная наука, проникнув в квантовый мир, столкнулась с невозможностью детерминистического описания природы. И речь идет не о несовершенстве теории, а о фундаментальных свойствах природы, описывающихся принципом неопределенности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 79-420.
2. Аристотель. О софистических опровержениях / Аристотель // Сочинения. — М.: Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 533-593.
3. Трубецкой С.Н. Основания идеализма / С.Н. Трубецкой // Сочинения. — М.: Мысль, 1994. — С. 594-716.
4. Гайдено П.П. Является ли гегелевский монизм одним из источников пантеизма и имперсонализма? / П.П. Гайдено // Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. П. Козловски, Э.Ю. Соловьева. — М.: Республика, 2000. — С. 31-44.
5. Зелинский В.К. Гегель и государство абсолютного субъекта / В.К. Зелинский // Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. П. Козловски, Э.Ю. Соловьева. — М.: Республика, 2000. — С. 305-321.
6. Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. — 2000. — № 4. — С. 3-31.
7. Поппер К. Что такое диалектика? / К. Поппер // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 118-138.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Поппер. — М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. — 528 с.
9. Фулда Х.Ф. Претендует ли гегелевская логика на то, чтобы быть универсальным научным методом? / Х.Ф. Фулда // Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. П. Козловски, Э.Ю. Соловьева. — М.: Республика, 2000. — С.14-30.
10. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / Р. Генон. — СПб.: Азбука, 2000. — 317 с.
11. Диалектический материализм / Под ред. А.П. Шептулина. — М.: Высшая школа, 1974. — 327 с.
12. Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании / Р.Г. Баранцев. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 144 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1974. — 452 с.
14. Аристотель. Этика / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Мн.: Литература, 1988. — С.139-408.
15. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев. — М.: Раритет, 1995. — 447 с.
16. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века / А.Ф. Лосев. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. — Кн. 1. — 512 с.
17. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. — М.: Академический Проект: Раритет, 2001. — 880 с.
18. Корень Р.В. Трехединые системы как метаязык картины мира / Р.В. Корень // Философская мысль. — 2013. — № 8. — С. 70-116.
19. Борзова Е.П. Триадология / Е.П. Борзова. — СПб.: СПбГУКИ, 2007. — 672 с.
20. Сергиенко П.Я. Триадиалектика. Святая Троица как символ знания / П.Я. Сергиенко. — Пушино, 1999. — 81 с.
21. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века / В.Н. Кузнецов. — М.: Высшая школа, 1989. — 478 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Plato. Gosudarstvo [The State] / Plato // Sbranie sochinenij v 4 t. [Collection of works in 4 vols.] — М.: Mysl', 1994. — Vol. 3. — P. 79-420. [in Russian]
2. Aristotle. O sofisticheskikh opроверzhenijah [On Sophistic Refutations] / Aristotle // Sochinenija [Works]. — М.: Mysl', 1978. — Vol. 2. — P. 533-593. [in Russian]
3. Trubeckoj S.N. Osnovaniya idealizma [Foundations of Idealism] / S.N. Trubeckoj // Sochinenija [Essays]. — М.: Mysl', 1994. — P. 594-716. [in Russian]
4. Gajdenko P.P. Javljaetsja li gegelevskij monizm odnim iz istochnikov panteizma i impersonalizma? [Is Hegelian Monism One of the Sources of Pantheism and Imperialism?] / P.P. Gajdenko // Sud'by gegel'janstva: filosofija, religija i politika proshhajutsja s modernom [Fates of Hegelianism: Philosophy, Religion and Politics Say Goodbye to Modernity] / Ed. by P. Kozlovski, Je.Ju. Solov'ev. — М.: Respublika, 2000. — P. 31-44. [in Russian]
5. Zelinskij V.K. Gegel' i gosudarstvo absoljutnogo sub'ekta [Hegel and the State of the Absolute Subject] / V.K. Zelinskij // Sud'by gegel'janstva: filosofija, religija i politika proshhajutsja s modernom [The Fates of Hegelianism: Philosophy, Religion and Politics Say Goodbye to Modernity] / Ed. by P. Kozlovski, Je.Ju. Solov'ev. — М.: Respublika, 2000. — P. 305-321. [in Russian]

6. Ojzerman T.I. Opyt kriticheskogo osmyslenija dialekticheskogo materializma [Experience of Critical Comprehension of Dialectical Materialism] / T.I. Ojzerman // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 2000. — № 4. — P. 3-31. [in Russian]
7. Popper K. Chto takoe dialektika? [What is Dialectics?] / K. Popper // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. — 1995. — № 1. — P. 118-138. [in Russian]
8. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. T.2: Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly [Open Society and Its Enemies. Vol. 2: The Time of the False Prophets: Hegel, Marx and Other Oracles] / K. Popper. — M.: Feniks: Cultural Initiative, 1992. — 528 p. [in Russian]
9. Fulda H.F. Pretenduet li gegelevskaja logika na to, chtoby byt' universal'nym nauchnym metodom? [Does Hegelian Logic Claim to be a Universal Scientific Method?] / H.F. Fulda // Sud'by gegel'janstva: filosofija, religija i politika proshhajutsja s modernom [The Fates of Hegelianism: Philosophy, Religion and Politics Say Goodbye to Modernity] / Ed. by P. Kozlovski, Je.Ju. Solov'ev. — M.: Respublika, 2000. — P.14-30. [in Russian]
10. Genon R. Ocherki o tradicii i metafizike [Essays on Tradition and Metaphysics] / R. Genon. — SPb.: Azbuka, 2000. — 317 p. [in Russian]
11. Dialekticheskij materializm [Dialectical Materialism] / Ed. by A.P. Sheptulin. — M.: Higher School, 1974. — 327 p. [in Russian]
12. Barancev R.G. Sinergetika v sovremennom estestvoznanii [Synergetics in Modern Natural Science] / R.G. Barancev. — M.: Editorial URSS, 2003. — 144 p. [in Russian]
13. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk. T.1. Nauka logiki [Encyclopaedia of Philosophical Sciences. Vol. 1: The Science of Logic] / G.V.F. Gelel'. — M.: Mysl', 1974. — 452 p. [in Russian]
14. Aristotle. Jetika [Ethics] / Aristotel' // Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. — Mn.: Literature, 1988. — P.139-408. [in Russian]
15. Novgorodcev P.I. Sochinenija [Works] / P.I. Novgorodcev. — M.: Raritet, 1995. — 447 p. [in Russian]
16. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Poslednie veka [History of Ancient Aesthetics. The Last Centuries] / A.F. Losev. — Kharkiv: Folio; M.: AST, 2000. — Book. 1. — 512 p. [in Russian]
17. Zen'kovskij V.V. Istorija russkoj filosofii [History of Russian Philosophy] / V.V. Zen'kovskij. — M.: Moscow: Academic Project: Rarity, 2001. — 880 p. [in Russian]
18. Koren' R.V. Triedinye sistemy kak metajazyk kartiny mira [Triune Systems as a Meta-language of the World Picture] / R.V. Koren' // Filosofskaja mysl' [Philosophical Thought]. — 2013. — № 8. — P. 70-116. [in Russian]
19. Borzova E.P. Triadologija [Triadology] / E.P. Borzova. — SPb.: SPbGUKI, 2007. — 672 p. [in Russian]
20. Sergienko P.Ja. Trialektika. Svjataja Troica kak simvol znanija [Trialectics. The Holy Trinity as a Symbol of Knowledge] / P.Ja. Sergienko. — Pushhino, 1999. — 81 p. [in Russian]
21. Kuznecov V.N. Nemeckaja klassicheskaja filosofija vtoroj poloviny XVIII — nachala XIX veka [German Classical Philosophy of the Second Half of the Eighteenth – Early Nineteenth Century] / V.N. Kuznecov. — M.: Higher School, 1989. — 478 p. [in Russian]